

УДК 343.98

М. А. Шостак

*профессор кафедры уголовного процесса
Академии МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент*

Н. А. Свирид

*курсант 3 «А» курса факультета криминальной милиции
Академии МВД Республики Беларусь*

МЕСТО ЦИФРОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В СИСТЕМЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОГО ПРАВА

В настоящее время законодателем совершенно точно, хотя не бесспорно, сформулировано определение доказательства, закрепленное в ч. 1 ст. 88 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — УПК) [1]. Исходя из данной дефиниции, можно выделить те черты, которыми доказательства в понимании законодателя должны соответствовать.

Так, к доказательствам относятся только фактические данные. В теории доказательств традиционно под конструкцией «фактические данные» понимают либо сведения о фактах, либо непосредственно доказательственные факты. Так, сведения о фактах — это такая информация об обстоятельствах уголовного дела, достоверность которой сомнения не вызывает, и поэтому ее можно использовать как готовые элементы в логических конструкциях для получения итоговых знаний об обстоятельствах, входящих в предмет доказывания. Так, например, содержащиеся в акте инвентаризации и требующие проверки данные о недостатке товарно-материальных ценностей — это доказательство в виде сведений. Данные о недостатке, полученные из акта назначенной для этой проверки бухгалтерской ревизии и из заключения судебно-бухгалтерской экспертизы, — это тоже сведения. Но все вместе эти полученные из трех источников сведения об одном и том же образуют доказательственный факт недостачи, который имеет непосредственное отношение к доказыванию хищения и вместе со сведениями о нем тоже рассматривается в качестве доказательств.

К доказательственным фактам относятся, например, показания свидетеля о том, что он видел подозреваемого вблизи места убийства. Эти показания нуждаются в проверке, но тем не менее представляют собой доказательство в виде сведений о факте. Такие же сведения несут и отдельно взятые слепки обнаруженных на месте происшествия следов обуви подозреваемого. Но в совокупности с показаниями свидетеля они порождают доказательственный факт: подозреваемый находился на месте убийства. Это тоже доказательство, которое используется в обоснование виновности данного подозреваемого

в инкриминируемом преступлении. Деление доказательств на сведения и доказательственные факты прослеживается в практике высшего судебного органа — Верховного Суда Республики Беларусь.

Следующей чертой доказательств можно считать то обстоятельство, что фактические данные должны быть получены из предусмотренного в законе источника. В данном случае нужно отметить, что исчерпывающий перечень источников доказательств изложен в ч. 2 ст. 88 УПК.

Если сведения получены из других источников, то они не могут применяться в обоснование выводов и решений по уголовному делу. Например, этого признака лишены сведения, содержащиеся в газетных и книжных публикациях, теле- и радиопередачах, и поэтому доказательствами по уголовному делу не могут быть признаны, поскольку они получены из источника, не предусмотренного законом.

Далее данные должны быть получены в определенном законом порядке. Этот признак означает, что фактические данные по уголовному делу должны добываться в установленном порядке. Этот порядок устанавливает УПК, но с учетом последних изменений в какой-то мере можно говорить и о Законе Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности» (в данном случае речь идет о материалах оперативно-розыскной деятельности как источника доказательств) [2]. Если фактические данные добываются хотя и из законного источника, но с отступлением от установленной законом процедуры, то достоверность доказательственного материала оказывается под сомнением. Например, если следователь произвел допрос несовершеннолетнего подозреваемого без участия педагога или психолога, результаты допроса не смогут быть положены в основу обвинения.

К заключительной черте можно отнести тот факт, что данные должны быть направлены на установление обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела. Суть этого признака заключается в требовании, чтобы между содержанием фактических данных и обстоятельствами, входящими в предмет доказывания, существовала определенная связь, т. е. эти фактические данные должны относиться к предмету доказывания. Поэтому этот признак в теории уголовного процесса получил наименование относимости доказательства.

Подводя промежуточный итог вышесказанному, возникает закономерный вопрос, как использовать в уголовном процессе информацию, отображенную в электронном (цифровом) виде. Ведь на сегодняшний день практически все сферы жизнедеятельности общества переведены в электронный вид. И не секрет, что и действия лиц, совершивших уголовно наказуемое деяние, так или иначе сопряжены с использованием либо цифровых средств, либо информации в цифровом виде, либо сокрытия следов в виртуальном пространстве. В этой

связи необходимо решить, с чем придется столкнуться органам, ведущим уголовный процесс, при производстве по материалам и уголовным делам.

Некоторые ученые ведут речь об *электронных доказательствах*, к которым относят электронный носитель информации, содержащий сведения о значимых обстоятельствах по конкретному уголовному делу и обладающий следующими юридически значимыми признаками: а) значительным объемом памяти; б) простотой передачи и копирования сведений с одного электронного носителя информации на другой; в) возможностью удаленного доступа к содержанию электронного носителя и информационно-телекоммуникационным системам (в частности, к сети Интернет); г) относительностью и неочевидностью содержания [3, с. 9].

Некоторые исследователи выделяют отдельно *цифровые доказательства*, т. е. любую информацию, сгенерированную, обработанную, сохраненную или переданную в цифровом виде, которая может быть принята судом в качестве достоверного доказательства, а также другие возможные копии оригинальной цифровой информации, имеющие доказательственную ценность, на которую может ссылаться суд в ходе принятия решения [4, с. 57].

Третья позиция, наиболее часто встречающаяся в специальной литературе, заключается в том, что авторы не разделяют между собой цифровые и электронные доказательства, а понимают данные категории как тождественные [5].

Интересная с точки зрения теории доказательственного права высказана концепция В. Г. Голубцовым, который, исследуя проблемы «электронно-цифровых доказательств», во-первых, предлагает свою конструкцию данной категории — «электронно-цифровые доказательства», а, во-вторых, не рассматривает данные «доказательства» в качестве самостоятельных средств доказывания (с учетом современного состояния). Опираясь на теорию доказательственного права, ее закономерности, терминологическую цельность и единство, автор настаивает на необходимости классификации данных разновидностей доказательств в пределах известных законодательству средств доказывания. В основе такого утверждения лежат аргументы о том, что электронно-цифровые технологии, используемые на современном этапе в процессе, не обладают признаками и сущностными особенностями, влекущими необходимость изменять основные институты процессуального законодательства, а также сущность составляющих его институтов [6].

В англоговорящем сегменте в странах англосаксонской и романо-германской системы права подобную информацию условно называют «компьютерные доказательства» (computer evidence). При этом компьютерная информация *является самостоятельным видом доказательств*, исходя из ее

специфической формы, среды существования, механизма формирования и способа введения ее в качестве доказательств в уголовный процесс.

Близка терминологически позиция отечественного законодателя, который внес изменения в УПК и выделил новый вид осмотра — осмотр компьютерной информации (ст. 204-1 УПК). Стало быть есть целесообразность в том числе и с определением сущности данной категории. Справедливости ради нужно отметить, что в УПК не содержится трактовка данного понятия, однако что в целом понимается под компьютерной информацией, сказано в Законе Республике Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности».

Таким образом, нет единого мнения о том, каким термином обозначить доказательства, которые хранятся в электронном виде, в том числе на электронных носителях и в сети Интернет, и нет единого подхода об определении сущности данной информации в уголовно-процессуальном доказывании.

В то же время, на наш взгляд, это принципиальный вопрос, который в обязательном порядке должен найти свое решение. Цифровизация все больше и больше входит в сферу уголовно-процессуальных отношений, о чем свидетельствует и подход законодателя, который, соответствуя тенденции в обществе, в последнее время вносит соответствующие изменения в УПК. Так, помимо добавления в ч. 4 ст. 193 УПК упоминания о носителях информации, к которым согласно правоприменительной практике, как правило, относятся электронные носители информации, в настоящее время имеется целая статья, посвященная осмотру компьютерной информации (ст. 204-1 УПК). Таким образом, есть четкое понимание, что информация, предоставленная в цифровом виде, помимо определенного порядка ее собирания и хранения, должна найти свое место в системе доказательственного права в уголовном процессе.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-3 : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 26.05.2021 г., № 112-3. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-3. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

3. Оконенко Р. И. «Электронные доказательства» и проблемы обеспечения прав граждан на защиту тайны личной жизни в уголовном процессе: сравнительный анализ законодательства Соединенных Штатов Америки и Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 ; Моск. гос. юрид. ун-т. им. О. Е. Кутафина. М., 2016. 24 с. [Вернуться к статье](#)

4. Черданцев А. Ю. Понятие цифровых доказательств, современное состояние и их роль в доказательственном процессе // Юрид. наука и практика. 2019. № 15 (4). С. 55–60. [Вернуться к статье](#)

5. Воронин М. И. Особенности оценки электронных (цифровых) доказательств. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
6. Голубцов В. Г. Теория доказательств и цифровизация в гражданском судопроизводстве. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)